

Что касается «нашего» колхоза, то постоянные связи с друзьями оттуда у меня сохранялись многие годы. Продолжая исследования в Самаркандской обл., я всегда навещала наиболее близкие мне семьи. И они бывали в Москве. Сохранялись связи и с отдельными семьями, живущими в других областях, но теперь и они порвались.

Примечание

¹ Винников Я.Р. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии. Т. VI. Сер. этнограф. Ашхабад, 1932. С. 92.

© 2001 г., ЭО, № 4

Б.Х. Кармышева

КРАТКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАСЕЛЕНИИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ПОЛОСЫ АМУДАРЬИ ОТ ТЕРМЕЗА ДО КЕЛИФА (НАЧАЛО XX в.)

Источником для написания предлагаемого сообщения послужили полевые материалы автора 1971, 1983 и 1986 гг. (Предгорный отряд Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР). Этнографические исследования проводились здесь впервые. Исключение составлял лишь бассейн Кугитангдарьи, который в 1924 г. во время районирования Средней Азии был включен в состав Чарджоуской обл. Туркменской ССР и поэтому был обследован Туркменским отрядом той же экспедиции во главе с Я.Р. Винниковым в 1958 г.¹

На указанном отрезке правобережной полосы Амударьи от Термеза до Келифа представлены три ландшафта: пойма с тугайной растительностью, надпойменная терраса, представлявшая собой в начале XX в. маловодную степь, и подгорная равнина. Широкая северо-восточная часть подгорной равнины занята обширным конусом выноса Шерабаддарьи. Из-за маловодности этой реки до 1970-х годов орошалась лишь незначительная часть этой площади, а до Амударьи доходило только основное русло Шерабаддарьи – небольшая р. Карасу с сильно осолоненной водой. Вплоть до коллективизации к югу от Шерабадского оазиса кишлаки были редки и представляли собой поселения обедневшей и потому оседающей части узбеков-кунгратов. Здесь они в основном выращивали бахчевые культуры: тыквы (пищевые и посудные), арбузы и особенно дыни. Дыни, выращенные на солоноватой воде, очень славились. Их продавали как на месте, так и на шерабадском базаре. Покупали дыни на месте узбеки племени *джалаир*, прикочевывавшие в урочище Бешкутан и его окрестности с низовьев Зеравшана. Они обычно обменивали у кунгратов на дыни сухой верблюжий помет, служивший топливом в зимнее время. Дыни, разрезав на ломти, вялили и запали на зиму.

В непосредственном соседстве с узбеками-кунгратами в прибрежной полосе Амударьи выше Келифа, в тугайной зоне, примерно с середины XIX в. стали селиться туркмены племени *эрсари*, чьи культурные земли на Средней Амударье были смыты рекой.

Как известно, области, расположенные по верхнему течению Амударьи, уже начиная с середины XII в. были обжиты туркменами². Однако после завоеваний Шейбанихана, когда обширная область от Термеза до Карши стала юртом узбекского племени

кунграт, часть туркмен покинула эти места, а оставшиеся постепенно растворились в узбекской среде. Заселение заново туркменами прибрежной полосы Амударьи выше Келифа началось примерно с середины XIX в., о чем имеются достоверные сведения русских путешественников. Самым ранним из них (1875 г.) было сообщение Н.А. Маева о расселении беднейших туркмен из районов Средней Амударьи на юге Шерабадского бекства, после того как в 1875 г. узбеки племени кунграт, разоренные Абдулкаримом, мятежным сыном бухарского эмира Музаффера, были вынуждены бежать в горы³.

Сведения русских путешественников об этническом составе населения правобережья от Термеза до Келифа подтвердились и материалами по районированию Средней Азии⁴, а также данными переписи населения 1926 г. Задача настоящего сообщения – дополнить эти сведения материалами полевых исследований автора. На указанной относительно узкой прибрежной полосе от Термеза до Келифа этнографические исследования проводились впервые, исключая долину Кугитангдарьи – самого восточного уголка Туркменистана, где были проведены исследования в 1957–1958 гг. Я.Р. Винниковым.

Далее на восток подгорная равнина отесняется к Амударье Келиф-Шерабадской грядой, протянувшейся до самой Амударьи и обрывающейся у Келифа, образуя Келифскую теснину. Здесь были расположены знаменитая с древности переправа через Амударью и при ней г. Келиф. Коренными жителями юго-западной части этой гряды и правобережья Амударьи у Келифа считается здесь местная узбекоязычная группа, самоназвание которой *камачи*, что буквально значит «лоцман». Эта группа впервые зафиксирована Я.Р. Винниковым в 1957–1958 гг. во время сплошного этнографического обследования Чарджоуской обл. Позволю себе полностью привести два абзаца, посвященных Я.Р. Винниковым этой группе: «Камачи – неизвестная в историко-этнографической литературе небольшая обособленная группа тюркоязычного населения – жила в кишлаке (*арыке*) Джаргузар, расположенном в самой юго-западной части современного Чаршангинского района Туркменистана. На основе преданий можно заключить, что эта группа представляла собой остатки местного тюркоязычного оседлого земледельческого населения, вытесненного еще в XVI в. в Андхой кочевыми племенами узбеков. По единодушному заявлению многих камачинцев, в Афганистане проживает основная часть их сородичей, которые были вытеснены узбеками или же эмигрировали в годы гражданской войны. Окружающее население (ближайшие соседи узбеки-кунграты и туркмены-эрсари), так же как и сами камачинцы, считают себя одной из мелких племенных групп туркмен. Это мнение разделяем и мы, хотя в быту и культуре камачинцев заметны черты, свойственные узбекскому населению, но по всемо укладу они, несомненно, стоят ближе к туркменам»⁵.

С последним выводом Я.Р. Винникова трудно согласиться. Полевые исследования в интересующем нас районе им проводились в 1957–1958 гг. Не только в те годы, но и в 1970–1980-е, когда мною здесь проводились исследования, старшее поколение местного населения этноним «узбек» продолжало употреблять в его узком значении, обозначая им только потомков узбеков даштикипчакского происхождения, завоевавших Среднеазиатское междуречье в конце XV – начале XVI в. В рассматриваемых районах под узбеками подразумевали прежде всего кунгратов, поскольку они были одним из крупнейших узбекских племен и их юрт (удел) располагался именно здесь, на обширной территории от Термеза до Гузара. В силу сказанного представителем старшего поколения местного населения не относили камачинцев к узбекам, да и сами кунграты не считали их своими соплеменниками. Группу «камачи» как они сами, так и окружающее население считали *аймаками*, что значит «коренной житель»⁶. Я.Р. Винникову камачи называли себя туркменами, поскольку они живут в Туркмении, наверняка увидев в нем официальное лицо (солидный мужчина из Москвы) и подумав, не намереются ли власти переселить их на целину в Узбекистан.

Камачи в основном жили в бассейне Кугитангдарьи, которая немного не доносит свои воды до Амударьи. Вопреки своему названию (камачи – «лоцман») они зани-

мались хлебопашеством на склонах Кугитангского хребта. До появления здесь туркмен среди камачи действительно были и лоцманы, и бурлаки. По мере переселения в эти районы все большего числа туркмен, чьи земли поглощались Амударьей, росла численность дешевой рабочей силы, и на каюках в составе команды место камачи все чаще занимали туркмены.

В самом Келифе, древнем городе, расположенном на месте пересечения торговых путей, административном центре бекства, население, несомненно, было пестрым по этническому составу. Среди собственно горожан преобладали, надо думать, ремесленники и торговцы – таджики и сарты. Ныне на месте Келифа сохранилась только пограничная застава, а гражданское население переселено в благоустроенные поселки на землях нового орошения в том же районе.

Что касается туркмен, то области, расположенные по верхнему течению Амударьи, уже с середины XII в. были обжиты ими⁷. Но после завоеваний Шейбани-хана обширная область от Термеза до Карши стала уделом (юртом) узбекского племени кунграт. Часть туркмен покинула эти места, а оставшиеся постепенно растворились в узбекской среде.

В Материалах по районированию Средней Азии 1926 г. на указанном отрезке правобережья Амударьи было зафиксировано 3825 чел. туркмен. Из них 1190 – из племени *сарык*, 1015 – из племени *эрсари* и 1620 – *шихов* (*ших* – от слова «шейх» – «духовный наставник»). Однако мной во время полевых исследований сарыки не были отмечены. Туркмены жили в 12 селениях. Самое крупное из них – Паттакесар – находилось у переправы Чушкагузар. Оно было издавна заселено шихами из рода смотрителей почитаемого мазара Хакима Мухаммеда ибн Али Термези⁸. Эта же группа жила и у самого мавзолея. В остальных селениях жили эрсари: род *гюнеш* – в кишлаках Хошман, Чакиш и Арал, род *бекаул* – в кишлаке Актепа, род *улуг дене* – в кишлаках Шураб, Маймунтукай, Каракамар и Болдир. В последнем жили еще и *гуломлар* (потомки рабов, ассимилированные туркменами). Они жили еще и в селении Учтут. У устья Сурханхандарьи, на левом ее берегу, был кишлак Джуиджангаль, где помимо туркмен эрсари родов *бекавул* и *кара* жили и *чагатаи* (местное оседлое население).

В тугайной зоне были вынуждены поселиться в основном туркмены эрсари, чьи культурные земли на Средней Амударье были смыты рекой. Здесь тоже порой приходилось менять места поселений из-за неустойчивости водного режима реки. Этнографические данные позволяют проследить, как туркмены осваивались на новых местах, как традиционная хозяйственная специализация позволяла им занять свою нишу в экономике края и установить добрососедские отношения с местным населением – преимущественно с узбеками разных групп, а также с таджиками. Вот что писал в начале 1890-х годов Н. Февралев: «Туркмены тугайной полосы изготавливают ковры, паласы и попоны и занимаются также рыболовством и извозом, находя в последнем заработок благодаря значительному транзиту через переправы: Патта-кесар, Чушкагузар, Келиф и Керки»⁹. О рыболовстве туркмен на р. Кафирниган в ее среднем течении и солении рыбы на месте (там были соляные источники) писал и Н.А. Маев¹⁰. Из долины же Кафирнигана туркмены вывозили жерди для изготовления остова юрты.

Однако работа на каюках по найму, рыболовство были лишь подсобными занятиями малоимущих туркмен или новых поселенцев в низовьях Шерабаддарьи. Туркмены в пойменной зоне очищали тугаи, проводили каналы и занимались главным образом земледелием. Одной из основных возделываемых ими культур была *джугара* (*Andropogon sepnus* Kunth), которую у них охотно приобретали в обмен на дыни узбеки-кунграты, жившие вдоль северной границы тугайной зоны. Со временем у туркмен появились и сады, и виноградники. Особенно славилась выведенные ими сорта шелковицы с крупными белыми ягодами, а также плоды *джиды* (лоха), которые на рынках предпочитали даже известному в этих краях денаускому изюму.

У туркмен соседи приобретали и различную утварь: бурдюки, изделия из дерева

(посуду, маслобойки). Туркмены в свою очередь приобретали у кунгратов (нередко путем обмена) бахчевые культуры: дыни, тыквы (пищевые и посудные). Так как земля кунгратов орошалась солоноватой водой р. Шуроб, это обеспечивало особое высокое качество этих культур. Кроме того, кунграты пшеницу и ячмень обменивали у туркмен на *джугару* (сорго) специально для приготовления кислой похлебки, ибо из ячменной крупы она получалась не столь вкусной. Таджики восточного склона Кугитангского хребта приобретали у туркмен мелкие ковровые изделия (таджики здесь, подобно узбекам и туркменам, круглый год жили в юртах), а туркмены у таджиков приобретали жернова для ручной мельницы, лекарственные растения, растущие в горах, а также *мумие*. У гончаров базарного селения Пашхурд, как и в Шерабаде, туркмены и узбеки-кунграты покупали керамическую посуду, в частности особые кувшины для воды, а также сладости и другие товары ремесленного производства. Гончары Пашхурда и сами развозили на ослах по кишлакам свои изделия.

В тугайной зоне быт как туркмен, так и узбеков-кунгратов сохранял свое национальное своеобразие, хотя сходство природных условий и занятий, а также постоянное общение способствовали некоторой унификации. Например, туркмены, как и узбеки прибрежной зоны, круглый год жили в основном в шалашах (*kanna*) из рогоза узколистного (*Tirpa angustifolia* L. – узб. лук, куга; туркмен. еген). Шалаш был прямоугольным в плане. Длина 3–4 м, а ширина до 2–4 м. Двухскатную крышу его покрывали также рогозом. Циновкой из рогоза устилали и пол, укрепив в 50–60 местах. Такой шалаш можно было переносить с места на место, не разбирая. При этом его обрызгивали водой как перед переносом, так и поставив на новое место. Шалаш не пропускал ни ветра, ни дождя, но дым от костра выходил из него свободно. Толстый слой рогоза служил и матрацем. На зиму, убрав урожай, часть из кунгратов переселялась в кишлаки, расположенные в более высоких сухих местах, где они жили в юртах или в глинобитных домах.

Туркмены, чьи кишлаки были унесены рекой, были вынуждены искать новые места для поселения. При выборе места для поселения было желательно, чтобы поблизости был мазар – почитаемое место, чтобы на кладбище у погребенных был духовный покровитель. В тех случаях, когда поблизости не было мазара, жители сами создавали его. Как рассказал мне старый туркмен в Чаршангинском р-не Сурхандаринской обл., когда при его деде у группы туркмен в районе Керки река поглотила поля, они поднялись выше по реке и облюбовали себе кусок земли для поселения. Однако вскоре выяснилось, что в ближайшей округе здесь нет какого-либо почитаемого места, нет мазара, который покровительствовал бы духам усопших и у которого новые поселенцы могли бы основать кладбище. Тогда туркмены в подходящем месте похоронили Коран, и со временем вокруг этого почитаемого места образовалось кладбище.

К концу 1980-х годов (мое последнее посещение этих мест состоялось в 1986 г.) эти края неузнаваемо изменились. Основную часть населения составляли таджики и узбеки, переселенные из горных районов. Выросли утопавшие в зелени садов и виноградников современные поселки, соединенные между собой асфальтовыми шоссе. Основной культурой возделывания стали тонковолокнистые сорта хлопчатника.

Примечания

¹ Винников Я.Р. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии. Т. VI. Сер. этнограф. Ашхабад, 1962. С. 5–110.

² Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.

³ Маев Н.А. Очерки Гиссарского края // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. V. СПб., 1879. С. 155.

⁴ Материалы по районированию Средней Азии. Кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 1. Бухара. Ташкент, 1926. С. 261. Табл. 6.

⁵ Винников Я.Р. Указ. раб. С. 92.

⁶ Кармышева Б.Х. Слово аймак в этнонимии и топонимии Узбекистана // Ономастика Средней Азии. Вып. 2. Фрунзе, 1980. С. 24–33.

⁷ Агаджанов С.Г. Указ. раб. С. 199.

⁸ Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976. С. 117–118; полевые записи автора.

⁹ Февралев Н. Правобережная полоса Пянджа и Аму-Дарья от Калы-Ванч до Керки // Военный сб. 1895. № 10.

¹⁰ Масв Н.А. Указ. раб. С. 155.

© 2001 г., ЭО, № 4

Б.Х. Кармышева

**ПРАВСТВЕННЫЕ УСТОИ КРЕСТЬЯНСКОГО ТРУДА
И БЫТА И ВЫНУЖДЕННЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
(ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ
ЮЖНОГО УЗБЕКИСТАНА 1940–1980 гг.)**

Чем быть шахом на чужбине,
Лучше быть нищим в своем отечестве.

Узбекская пословица

Данные как письменных источников, так и этнографических исследований свидетельствуют о постоянных передвижениях населения в Средней Азии еще в дореволюционное время. Переселения могли быть и добровольными, и принудительными. К добровольным можно, например, отнести поездку юноши в город или крупное селение учиться в медресе или обучиться тому или иному ремеслу. После завершения обучения он оставался там. В досоветское время этот вид передвижения был характерен, как известно, для горных таджиков: отходники, не имея достаточно земли на родине, бывали вынуждены остаться в той местности, где работали по найму, или там, где обосновались ранее их земляки. Эта тема достаточно полно освещена в этнографической литературе. Вынужденные переселения были также связаны с различными природными катаклизмами (землетрясения, засуха, нашествия саранчи, оползни, эпидемии и т.п.). Как для оседлого, так и для кочевого населения немаловажное значение имела также политическая нестабильность в том или ином регионе. В ханствах – это бесконечные феодальные междоусобицы, а в советское время – гражданская война (басмачество), коллективизация, Великая Отечественная война, освоение новых земель под хлопок, строительство промышленных предприятий и т.д.

Переселения горцев и степняков в ряде областей Узбекистана и Таджикистана на земли нового орошения, порой в иную этническую среду в значительной степени нарушали основу из основ крестьянской жизни – их нравственные устои. На родине как земля, доставшаяся от предков, так и плоды этой земли обладали особой благодатью (*табаррук*). Покидая родину, горец расставался со всем тем, что он глубоко почитал и в чем находил надежду и душевное успокоение: с родным очагом, с могилами предков, с мазарами (священными местами), с деревьями, посаженными руками предков, с полями, куда вложен труд не одного поколения и потому обладающими особой благодатью. На этих традициях покоились исключительная бережливость крестьянина, скромность его потребностей, осуждение расточительности.

Организованные государством в 1940–1960-е годы массовые переселения горных таджиков из Каратегина и Дарваза в южные области Таджикистана на земли нового